

В. Г. Морогин

<https://orcid.org/0000-0002-9741-5864>

В. А. Мазилев

<https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Методологические перспективы палеопсихологической теории антропогенеза Б. Ф. Поршнева

В статье обсуждаются основные положения палеопсихологической теории антропогенеза Б. Ф. Поршнева, выдающегося отечественного историка, социального психолога и антрополога. Одним из самых сложных и до конца не изученных вопросов современной науки является загадка происхождения человека современного типа. Несмотря на огромные усилия, предпринимаемые для ее решения несколькими поколениями исследователей, эта проблема остается большим белым пятном в системе человеческого знания. Важным этапом представляются исследования Б. Ф. Поршнева, главная заслуга которого в исследовании проблемы антропогенеза состоит в том, что его теория происхождения современного человека в контексте современных научных знаний, по-видимому, единственная не нуждается в гипотезе о творце. Теория Поршнева преодолевает препятствия, которые не позволяют подойти к правильному решению проблемы. Это, по Поршневу, три главных постулата: миф об охоте на крупных животных как основном занятии человеческого предка; миф об «изобретении» им огня; убежденность в том, что эволюционная форма, предшествовавшая *Homo sapiens*, вымерла и исчезла с лица Земли тотчас после появления последнего. Преодолев эти заблуждения, можно формулировать новый подход к исследованию проблемы. В статье анализируются психологические предпосылки появления человека современного типа, основанные на данных современных палеоантропологических и палеогенетических исследований. Описывается мотивационная модель видовой неоднородности человека, в методологическом плане опирающаяся на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б. Ф. Поршнева, теорию ценностно-потребностной сферы личности и концепцию видизма. Формирование в процессе антропогенеза четырех видов рода *Homo Sapiens* объясняется психологическим развитием человека: появлением новых, чисто человеческих потребностей и принципиально новых способов их удовлетворения – второй и третьей сигнальных систем. Концепция видовой неоднородности современного человека представляет собой гипотетическую реконструкцию антропогенеза, но не использует объяснительные креационистские модели.

Ключевые слова: палеопсихология, палеоантроп, сапиенс, неоантроп, адельфофагия, интердикция, дипластия, третья сигнальная система, атавизм, неконтактность, антропотип, психотип, хищные и нехищные виды.

V. G. Morogin, V. A. Mazilov

Methodological Prospects of B. F. Porshnev's Paleopsychologic Theory of Anthropogenesis

In the article are discussed basic provisions of the paleopsychologic theory of anthropogenesis by B. F. Porshnev, an outstanding Russian historian, social psychologist and anthropologist. One of the most difficult and not completely investigated questions of the modern science is the riddle of origin of the modern type person. Despite the huge efforts made for its solution by several generations of researchers, this problem remains to be a black page in the system of human knowledge. The important stage seems to be the researches by B. F. Porshnev, whose principal merit in the research of the problem of anthropogenesis consists in his theory of origin of the modern person in the context of the modern scientific knowledge, it is the only one which does need the hypothesis on the creator. Porshnev's theory overcomes hindrances which do not allow us to approach the right solution. These are, due to Porshnev, three principal postulates: the myth about hunting for large animals as major activity of the human ancestor; the myth about «invention» of fire by him; the conviction is that the evolutionary form preceding *Homo sapiens* died out and disappeared from the face of the earth immediately after appearance the latter one. Having overcome these delusions, it is possible to formulate a new approach to the problem research. In the article the psychological premises of appearance of the modern type person are analyzed basing on data of the modern paleoanthropologic and paleogenetic researches. The motivational model of specific non-uniformity of the person is described, which in the methodological plan is guided by B. F. Porshnev's paleopsychologic theory of anthropogenesis, the theory of the valuable-need sphere of the personality and the concept of speciesism. Formation in the course of anthropogenesis of four types of the *Homo Sapiens* sort is explained by psychological development of the person: appearance of new, purely human needs and essentially new methods of their satisfaction – the second and third signal systems. The concept of specific non-uniformity of the modern person represents hypothetical reconstruction of anthropogenesis, but does not use explanatory creationistic models.

Keywords: paleopsychology, paleoanthropus, sapiens, neoanthropus, adelphophagy, interdiction, suggestion, diplopia, third signal system, atavism, uncooperativeness, anthropotype, psychotype, predatory and not predatory types.

Одним из самых сложных и до конца не изученных вопросов современной науки является загадка происхождения человека современного типа. Несмотря на огромные усилия, предпринимаемые для ее решения несколькими поколениями исследователей, эта проблема остается большим белым пятном в системе человеческого знания. Материалистическая наука пока не может дать сколько-нибудь внятного ответа на этот вопрос, поэтому большинство авторов, занимающихся вопросами антропогенеза, так или иначе склоняются к креационистской точке зрения [6].

Первые попытки представить проблему происхождения человека, не прибегая к креационистским концепциям, связаны с теорией биологической эволюции Ч. Дарвина, которая перевернула представления о природе человека и подтолкнула самых выдающихся своих сторонников – К. Фохта, Э. Геккеля и Т. Гексли – к идее о том, что человек произошел от обезьяны. Сам Ч. Дарвин, несмотря на то, что именно ему приписывают эту мысль, никогда так не высказывался.

Очень скоро стало ясно, что прямых родственных связей человека даже с самыми высшими (человекообразными) обезьянами обнаружить не удастся: слишком далеко на эволюционной лестнице отстоят антропоморфные понгиды от современного человека. Значит, должен существовать промежуточный ископаемый вид, обладающий таким свойством, которое отличало бы его от всех антропоморфных приматов и остальных животных и представляло эволюционный мост между обезьяной и человеком [10]. И такое звено, вроде бы, было найдено – прямохождение или, шире, ортоградность. В XIX и XX столетиях палеоантропологами были обнаружены многочисленные костные останки существ, которые передвигались на двух ногах, но по строению черепа не отличались от обезьян. Это семейство получило название австралопитековых. Б. Ф. Поршнев (2006), следуя традиции К. Линнея, называл их троглодитидами. Среди множества видов, составляющих это семейство, был выделен как отдельный и самый поздний вид австралопитеков *Homo Habilis* – человек умелый, способный изготавливать примитивные орудия. Скорее всего, опираясь на эти факты, Б. Франклин характеризовал человека как «a toolmaking animal» – «животное, делающее орудия». Но сопоставление археологических находок с данными современной зоологии показало, что ни прямохождение, ни способность изготавливать орудия не являются исключительной особенностью человека. К тому же нет никаких

оснований считать, что австралопитеки, в том числе хабилисы, были разумными существами, обладающими сознанием и мышлением. Тем не менее в реконструкциях поведенческих особенностей не только этого семейства, но и более ранних палеоантропологических находок (сахелянтроп, ардипитек, оррорин) и даже антропоморфных (нечеловеческих) обезьян, да и других животных, например, крыс, современные палеоантропологи свободно оперируют такими понятиями, как мышление, осознание, понимание, метапознание, социальная организация [5, 8, 9, 15].

Некоторые «продвинутые интеллектуалы» даже считают, что сознание характерно для всех животных без исключения, что даже растения способны к сознательным реакциям, хотя не приводят никаких не то что убедительных, но даже сколько-нибудь правдоподобных доказательств своих спекуляций. Особенно комично (хотя совсем не смешно) это смотрится, когда такой «ученый» перед телекамерами начинает с помощью сконструированного им «прибора» измерять сознание дерева.

«Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло», – такой девиз был выдвинут великим русским ученым-энциклопедистом Борисом Федоровичем Поршневым [18]; он указывает направление, в котором следует искать ответ на этот сложный и запутанный вопрос. При этом главная заслуга Б. Ф. Поршнева в исследовании важнейшей проблемы антропогенеза состоит в том, что его теория происхождения современного человека в контексте современных научных знаний – единственная, не нуждающаяся в гипотезе о творце.

Научно не обоснованная убежденность традиционно ориентированных палеоантропологов в том, что археологические остатки жизнедеятельности ископаемых гоминид доказывают наличие у них не только сознания, но и абстрактно-логического (понятийного) и творческого мышления, а значит, требуют признания людьми не только ископаемых неантропов (кроманьонцев-сапиенсов), но также палеоантропов (неандертальцев) и даже еще более древних антропоморфных видов, мешала и до сих пор мешает серьезному научному прорыву в исследовании проблемы происхождения человека современного типа, появления у него сознания и мышления. В основе этой концепции лежат три главных постулата:

- миф об охоте на крупных животных как основном занятии человеческого предка;
- миф об «изобретении» им огня;

– убежденность в том, что эволюционная форма, предшествовавшая *Homo sapiens*, вымерла и исчезла с лица Земли тотчас после появления последнего [8, 9].

Критикуя «археологический подход» к решению основной проблемы антропогенеза, Б. Ф. Поршнев опровергает не сами факты, потому что большинство фактов палеоантропологии, палеоархеологии и палеогенетики обладает высокой степенью достоверности и надежности; речь идет об «очках, через которые привыкли смотреть на эти факты». В своей монографии «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии» он тщательно и подробно обосновывает ложность этих мифов.

Предок человека не мог быть охотником, поскольку это противоречит объективным данным науки. Биоценоз – очень тонко устроенная система пищевого взаимодействия огромного числа видов животных и растений, и любое серьезное изменение этого соотношения может привести к разрушению всей системы. Поэтому появление в ней нового эффективного хищника неизбежно должно привести к иерархическому конфликту. Соотношение растений, травоядных и хищников в системе биоценоза примерно должно соответствовать пропорции 1000 : 100 : 10, и любое ее изменение автоматически приводит к сокращению или увеличению численности тех или иных видов животных. Допустим, изменился климат, стал более теплым и влажным, это вызвало бурный рост растений, появление новых видов. Обилие растительной пищи стимулирует размножение травоядных, которые, в свою очередь, обеспечивают пищевой рацион хищников. Так и происходит автоматическое регулирование численности различных биологических видов в системе биоценоза.

В среднем и верхнем плейстоцене (5–2,6 млн лет назад) на планете Земля сложился биогеоценоз, в котором господствовали животные-хищники, идеально приспособленные убивать. Это было семейство махайродов – саблезубых тигров, обладающих самым совершенным экзосоматическим орудием убийства – полуметровыми клыками. Нетрудно предположить результат конкуренции предка человека с этими высокоэффективными убийцами. Можно себе представить, как чувствовал бы себя двуногий прямоходящий примат, пусть даже с каменным топором, в ситуации конкуренции с таким совершенным убийцей. Тут, наверное, только автомат Калашникова смог бы помочь. Поэтому единственной пищевой нишей, на которую мог претендовать наш всеяд-

ный, но преимущественно плотоядный предок, было трупоядение. (Как это ни неприятно осознавать, современный человек как был, так и остается трупоедом.)

Саблезубый тигр, обладая таким смертоносным оружием, как его зубы, мог убить кого угодно, но съесть добычу было весьма затруднительно – клыки ему мешали. Эти хищники питались свежей кровью или выедали мягкие части у своих жертв, а остальная биомасса доставалась хищникам-падальщикам, которые в плейстоцене были представлены разнообразными реликтовыми видами: волки, медведи, гиены, шакалы и т. п. Поскольку махайроды, в силу особенностей их питания, убивали во много раз больше травоядных, чем требовалось для их успешного воспроизводства, можно предположить, что падальщики тоже не бедствовали – пищи и им хватало. Но даже с этими хищниками человеческий предок вряд ли смог бы конкурировать, на ранних этапах своего становления он довольствовался лишь остатками биомассы, которые оставались после этих животных. Плейстоценовый предок человека в условиях избытка мертвой биомассы мог питаться богатым белками головным и костным мозгом трупов животных – на эту пищу практически не было претендентов, за исключением некоторых видов мелких грызунов и насекомых, с которыми он был в состоянии справиться. Поэтому не было и необходимости изготавливать «орудия», достаточно было использовать навык раскалывания, генетически унаследованный далеким предком человека от обезьян, которые хорошо умели колоть орехи и другие твердые оболочки. По этой причине палеонтологи и не находят обработанных «орудий труда» у австралопитеков.

Позднее, после первого оледенения, махайроды и некоторые другие хищники вымерли, и человеческим предкам, чтобы выжить, пришлось совершенствовать естественные «орудия» путем дополнительной обработки. Это и были так называемые олдовайские гальки – камни с режущей поверхностью, обработанные 1–2 ударами, которые палеонтологи обнаруживают рядом с останками *Homo Habilis*. Но эти инструменты были предназначены вовсе не для охоты на крупных животных, а для соскабливания остатков мяса с костей трупов. Именно для разделки туш трупов умерших или убитых хищниками животных были приспособлены и более поздние «орудия» человеческих предков, которые использовались так же, как другие хищные животные для подобных операций используют зубы, клыки, когти.

Предок человека не «изобретал» огонь – огонь, тление были неизбежным побочным результатом обработки каменных орудий: высекаемые при обкалывании кремней искры могли воспламенить подстилку в их логове. Поэтому первобытному предку человека сначала пришлось «учиться» гасить огонь, и только потом – утилизировать его полезные свойства так же, как другие животные приспособляются к специфике своей экологической ниши: плетут паутину, выют гнезда, строят ульи, перегораживают реку плотинами. Домашние кошки, например, «научаются» использовать тепло настольной лампы, батареи центрального отопления и т. п. Результатом постоянного контакта с огнем, а также дневного образа жизни (поскольку ночью господствовали хищники, с которыми человеческий предок вряд ли мог конкурировать) стала потеря человеком волосяного покрова. Но это случилось, вероятно, уже в эпоху дивергенции палеоантропов.

Следовательно, нет никаких оснований считать наличие следов огня и каменных орудий в археологических раскопах признаком «появления человека». Только ископаемый неантроп (кроманьонец-сапиенс) может быть признан человеком в точном смысле слова.

Одна из глав книги Б. Ф. Поршнева посвящена критике еще одного постулата, который до сих пор разделяется абсолютным большинством специалистов. Именно этот третий предрассудок мешает увидеть линию дивергенции палеоантропов и ископаемых неантропов как ключевую биологическую причину перехода человеческого предка в социальность.

Предрассудок этот предельно прост: появление человека привело к очень быстрому вымиранию предковой формы. Для его преодоления Б. Ф. Поршневу,

– во-первых, тщательно проанализировал те неразрешимые противоречия, к которым неизбежно ведут попытки реконструкции появления человека современного типа при сохранении критикуемого постулата, и убедительно показал, что все они неотвратимо ведут в один и тот же логический тупик, из которого остается лишь один честный выход: признать, что без вмешательства творца проблема антропогенеза принципиально неразрешима;

– во-вторых, показал, что этот традиционный миф противоречит всем имеющимся научным данным, с которыми большинство антропологов оказались просто не знакомы. Эти данные убедительно свидетельствуют, что правилом видообразования является не мгновенное вымирание

предковой формы, а наоборот, длительное сосуществование нового отпочковавшегося вида наряду со старым. (Иногда случается даже так, что предковый вид переживает новый, от него отпочковавшийся.) Следовательно, бремя доказательства появления человека как редчайшего биологического исключения полностью лежит на сторонниках такой исключительности;

– в-третьих, провел гигантскую работу по сбору фактов о параллельном существовании ближайшей предковой формы (палеоантропа) рядом с человеком не только в доисторическое время, но и в современную эпоху вплоть до наших дней. Он показал, что сохранившийся до настоящего времени реликтовый животный предок человека, известный под разными именами («снежный человек», «йе-ти», «ми-ге», «алмас» и т. д.), хотя и несколько деградировал, утратив часть ставших излишними навыков, но остался представителем того же предкового вида – реликтовым палеоантропом [16, 17]. Вероятно, Б. Ф. Поршневу искал этого реликтового антропоида не там – этот вид оставил свой след, но не только в лесу или горах, но и среди людей в человеческом социуме, поскольку в процессе дивергенции палеоантропов в геном сапиенсов сохранились и наследственные неандерталоидные признаки. Поэтому потомки реликтовых палеоантропов, физически не отличающиеся от современных людей, обладают характерными психологическими, в частности мотивационными, особенностями палеоантропов [2–4];

– в-четвертых, реконструировал появление человека, исходя из альтернативных предположений, соответствующих данным современной ему зоологической науки. В ходе этой работы ему пришлось отличиться серьезными открытиями не только в зоологии, но и в целом ряде других наук: психологии, теории высшей нервной деятельности, социологии, лингвистике и др.

Пройдя через целую серию природных кризисов и приобретя в ходе естественного отбора совершенно удивительные биологические и нейрофизиологические «инструменты» адаптации, животный предок человека в конце среднего плейстоцена (2,6 млн 11,7 тыс. лет назад) в очередной раз оказался перед лицом еще одного экологического кризиса, грозящего ему неизбежным вымиранием.

Этот предок – палеоантроп – с помощью нейросигнального механизма интердикции выстроил уникальные симбиотические отношения с многочисленными хищниками, травоядными и даже с птицами. Возможность использования в

пищу биомассы умерших естественной смертью или умерщвленных хищниками животных была обеспечена жестким инстинктом, не позволявшим ему кого-либо убивать. И только тогда, когда количество достающейся палеоантропам мертвой биомассы снизилось до критического уровня, они должны были вступить в соперничество с хищниками в том смысле, что все же начали кого-то убивать. Но как совместить два столь противоположных инстинкта: «не убей» и «убей»? Природа подсказала узкую тропу, которая в дальнейшем вывела эволюцию на небывалую дорогу. Решение биологического парадокса состояло в том, что инстинкт не запрещал убивать представителей своего собственного вида. Экологическая щель, оставшаяся для самосохранения у обреченного природой на гибель высокоспециализированного вида двуногих приматов, всеядных по своей природе, но трупоядных по основному биологическому профилю, состояла в том, чтобы использовать часть своей популяции как самовоспроизводящийся кормовой источник. В зоологии такое явление называется адельфофагией («поеданием собратьев»), подчас достигающей у некоторых видов более или менее заметного характера, хотя все же никогда не становящейся основным или одним из основных источников питания.

Проанализировав многочисленные данные зоологии о случаях адельфофагии, а также археологические факты, свидетельствующие о попытках палеоантропа встать на этот путь, Б. Ф. Поршневу приходит к выводу: «Выходом из противоречий оказалось лишь расщепление самого вида палеоантропов на два. От прежнего вида сравнительно быстро и бурно откололся новый, постепенно становившийся его экологической противоположностью. Если палеоантропы не убивали никого, кроме подобных себе, то ископаемые неоантропы представляли собой инверсию: по мере превращения в охотников они не убивали именно палеоантропов. Они сначала отличаются от прочих троглодитов тем, что не убивают этих прочих троглодитов. А много, много позже, отшнуровавшись от троглодитов, они уже не только убивали последних как всяких иных животных, как “нелюдей”, но и подобных себе, то есть неоантропов, всякий раз с мотивом, что те – не вполне люди, скорее ближе к “нелюдям” (преступники, чужаки, иноверцы)» [18].

Анализ данных биологических исследований (начиная с Ч. Дарвина) о различных формах видообразования приводит Б. Ф. Поршневу к выводу о своеобразном «стихийном искусственном»

отборе, лежащем в основе дивергенции палеоантропов: «Вполне “бессознательным” и стихийным интенсивным отбором палеоантропы и вывели из своих рядов особые популяции, ставшие затем самостоятельным видом. Обособляемая от скрещивания форма, видимо, отвечала требованию податливости на интердикцию. Это были “большелобые”, особи с наиболее развитыми лобными долями мозга. У них вполне удавалось подавлять импульс убивать палеоантропов, поедавших часть их приплода. “Большелобых” можно было побудить также пересилить инстинкт “не убивать” и побудить убивать для палеоантропов как “выкуп” разных животных, поначалу хотя бы больных и ослабевших, вдобавок к прежним источникам мясной пищи. Одним из внешних симптомов для стихийного отбора служила, вероятно, безволосость их тела, вследствие чего весь окрестный животный мир мог зримо дифференцировать их от волосатых – безвредных и безопасных – палеоантропов» [16, 18].

Таким образом, своим появлением на земле человечество обязано некоему отвратительному животному, которое специально, путем бессознательного искусственного отбора, вывело новый вид людей для выполнения единственной функции – служить ему кормовой базой – что-то «вроде “мыслящей” коровы мясной породы» Если суммировать все этические представления об отвратительном, мерзком, грязном, не достойном человека, то получится не что иное, как реальный образ палеоантропа времен дивергенции, а значит, и образ первых людей, которые, глядя на палеоантропа, как в зеркало, медленно начали «исправляться». И этот процесс еще не закончился, он продолжается [1, 16–18].

Примеры использования специально выращенной части популяции сапиенсов в качестве кормовой базы палеоантропов сохранились в так называемых обрядах инициации: «Суть их состоит в том, что подростков, достигших половой зрелости (преимущественно мальчиков и в меньшей степени – девочек), выращенных в значительной изоляции от взрослого состава племени, подвергают довольно мучительным процедурам и даже частичному калечению, символизирующим умерщвление. Этот обряд совершается где-нибудь в лесу и выражает как бы принесение этих подростков в жертву, на съедение лесным чудовищам. Последние являются фантастическими замещениями некогда совсем не фантастических, а реальных пожирателей – палеоантропов, как и само действие являлось не спектаклем, а подлинным умерщвлением» [18].

В. Я. Пропп показал, что сказочно-мифологический фольклор представляет собою позднее преобразование и переосмысление одного и того же исходного ядра: принесения в жертву чудовищу юношей и девушек или, точнее, этого акта, преобразованного уже в разные варианты обряда инициации [19].

Следы адельфофагии можно найти и в современности. До сих пор в некоторых «первобытных» племенах наблюдаются случаи каннибализма, иногда этот феномен проявляется в форме атавизма в поведении отдельных субъектов, хотя и квалифицируется как патология. Но то, что сейчас выглядит как патология, в период формирования человека современного типа было нормой. В частности, К. Фохт полагал, что любая форма психической патологии, объяснения которой современная наука найти не может, является атавизмом, считавшимся нормой в эпоху дивергенции палеоантропов.

После расщепления сапиенсов и неандертальцев формой сосуществования ближайших предков человека стало так называемое «тасующееся стадо»: «Их биологический образ жизни, способ получения мясной пищи предьявил на определенной ступени почти непосильные требования к мобильности, подвижности этих существ, как в смысле быстроты передвижения, так и в смысле длительности и покрываемых расстояний. Эти требования и привели к разрыву стадного сцепления: самки с молодым (очень долго несамостоятельным у гоминид) отставали, отрывались от взрослых самцов, причем не сезонно, а без возможности соединиться вновь. Но на гигантской территории этих миграций другие самцы на время присоединялись к этим самкам с молодым, чтобы затем, в свою очередь, оторваться от них... Это было стадо, но совершенно особого рода: то разбухая, то съеживаясь в объеме, то распадаясь на единицы, оно не имеет постоянного состава индивидов. Один и тот же индивид мог оказываться последовательно членом разных сообществ по мере их соединений, рассредоточений, тасовки. Так, по-видимому, объясняется появление так называемого промискуитета – явления, логически доказанного как исходная ступень человеческой семьи, совершенно не характерного для животных» [18].

Вероятно, по этой причине человечество так и не смогло до конца освободиться от психологического наследия палеоантропов, поэтому в его недрах в разное время и сформировались 4 различных вида рода *Homo Sapiens*.

В современном цивилизованном обществе на смену реальному убийству и поеданию себе подобных пришли завуалированные экономические и государственно-политические способы эксплуатации и закабаления (цивилизованный вариант адельфофагии), а в процессе антропогенеза эта тенденция вызвала к жизни, кроме хищных неотроглодитов и нехищных стадных потомков «большелобых», еще один промежуточный человеческий вид с мотивацией палеоантропа и интеллектом сапиенса. И, если стиль поведения хищного адельфофага – убийство, физическое насилие и агрессия, новый вид использовал для достижения своих целей обман, запугивание, а впоследствии – экономическое принуждение и политическое давление, основанные на внушении через систему социальных институтов. Поэтому этот третий промежуточный вид можно назвать «суггесторами». Исторически он сложился как группа посредников при передаче жертвоприношений от «большелобых» безволосых сапиенсов «волосатым» палеоантропам. При этом значительная часть жертвенной пищи присваивалась этими суггесторами. Именно так формировалась в процессе антропогенеза их паразитическая мотивация, в настоящее время уже надежно закрепленная на генетическом уровне. Основная же масса современных сапиенсов – диффузные, стадные суггеренды, потомки «большелобых», исключительно податливых на интердикцию и суггестию.

В период с 800 по 200 год до н. э. – совсем недавно, по меркам формирования человеческой цивилизации, появился четвертый человеческий вид – современные неоантропы (нельзя путать с ископаемыми неоантропами – кроманьонцами-сапиенсами, появившимися в результате дивергенции палеоантропов). К. Ясперс называет этот период «осевым временем» – именно тогда впервые появились индивиды, способные к критическому мышлению. И случилось это сразу в нескольких местах земного шара: Древняя Греция, Индия, Китай, Междуречье и др. Как самый молодой на Земле этот вид пока составляет меньшинство, но таких людей с каждым поколением должно становиться все больше. В силу критичности ума, а следовательно, способности эффективно противостоять суггестии, он представляет серьезную опасность для хищных видов, поэтому всячески ими преследуется и истребляется [13].

Таким образом, в процессе становления человека современного типа сформировались 2 хищных и 2 нехищных биологических вида, принадлежащих к одному и тому же роду *Homo Sapiens*:

– Неотроглодиты или суперанималы – потомки первоубийц-адельфофагов, каннибалов, убивающих и поедающих своих собратьев.

– Диффузный вид, суггеренды – потомки «большелобых», выведенных природой путем «бессознательного искусственного отбора» на начальном «адельфофагическом» этапе антропогенеза на основе критерия податливости на интердикцию и суггестию; это стадный вид, к которому относится подавляющее большинство современных людей.

– Суггесторы – промежуточный вид, сформировавшийся позднее первых двух; к нему относятся потомки первых человеческих предков, выработавших и генетически закрепивших нейросигнальные механизмы интердикции и суггестии.

– Современные неантропы – новый вид, отпочковавшийся от диффузного в «осевое» время и отличающийся от него способностью критически анализировать и оценивать поведение других людей и свое собственное. Это критическое мышление оказалось мощнейшим контрсуггестивным инструментом. Р. Декарт считал критический разум главным инструментом не только научного познания, но и самого существования человека: «я сомневаюсь – значит мыслю; я мыслю – значит существую». В науке познание обязательно осуществляется через сомнение, в то время как в основе любой религии лежит вера. Поэтому науку и религию соединить невозможно. Основу «стадного» мышления составляет вера, фундаментом критического мышления современного неантропа является сомнение, стремление дойти до сути вопроса «своим умом».

Кроме того, у субъектов диффузного вида появляется, пока еще в зачаточном состоянии, а у современных неантропов окончательно формируется и развивается третья сигнальная система, представляющая собой психологический механизм совести и нравственности и выступающая как противовес второй.

У хищных видов третья сигнальная система отсутствует, а вторая выполняет разные функции у неотроглодитов и суггесторов: первые используют ее древнейшие интердиктивные возможности для подавления любого сопротивления нехищного вида, вторые – для суггестии и манипуляции их поведением. Эти, выработанные уже в процессе антропогенеза, способности хищных видов и дают им возможность паразитировать за счет самого многочисленного диффузного вида, составляющего большинство рода *Homo Sapiens*. И лишь самый молодой человеческий вид (современные неантропы) способен противостоять

этим влияниям за счет появившегося у них в процессе антропогенеза мощного контрсуггестивного инструмента – критического мышления.

Вид – биологическое понятие, это совокупность особей, способных давать репродуктивное потомство. В медицинской практике нередко встречаются случаи «беспричинного» бесплодия: оба супруга способны дать потомство, но совместно бесплодны. Это значит, что они принадлежат к разным видам одного и того же рода *Homo Sapiens*.

Появление видов, сформировавшихся в результате антропогенеза, невозможно объяснить законами эволюции, поскольку физически эти 4 вида практически неотличимы друг от друга. Несколькими сильнее они различаются по степени интеллектуальной одаренности. Главное же отличие между ними – мотивационное: у них разные потребности и способы их реализации. Неотроглодиты и суггесторы – хищные виды, их мотивация – удовлетворение своих потребностей за счет других. Но суперанималы реализуют свою паразитическую мотивацию с помощью убийства и физического насилия, в то время как суггесторы действуют путем внушения, обмана и манипуляции поведением доверчивого и внушаемого диффузного вида с помощью многочисленных средств «общественного влияния». Диффузные или суггеренды – главный объект, за счет которого два хищных вида удовлетворяют свои потребности, для них характерна очень высокая генетически закрепленная внушаемость, доходящая до наивности, и неспособность критически оценить социальное поведение других и свое собственное. Современные неантропы – передовой отряд человечества, это индивиды, обладающие критическим мышлением и совестью, за ними будущее, если, конечно, современные неотроглодиты и суггесторы раньше не уничтожат человеческую цивилизацию, спровоцировав какую-нибудь глобальную катастрофу [1–4].

У животных все потребности имеют первосигнальную природу; у *Homo Sapiens* имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Сначала он сформировался у человеческого предка в виде интердикции – внешнего запрета на выполнение привычного первосигнального действия с помощью другого действия, неадекватного актуальной ситуации. Слияние интердикции и врожденного имитативного (подражательного) рефлекса, имеющегося у всех высокоорганизованных животных, способствовало тому,

что интердикция в процессе антропогенеза развилась в суггестию, а затем в аутосуггестию, которая представляет собой не что иное, как возможность и способность произвольно ограничивать собственные первосигнальные реакции, а это уже – начало сознания как возможность и способность взглянуть на себя со стороны. У животного первосигнальный акт (безусловный или условный) не может быть запрещен в принципе – это противоречит его природе, это абсурд, дипластия; для человека, обладающего второй сигнальной системой, дипластия – обычное привычное состояние. Человек постоянно совершает насилие над собой, сознательно запрещая себе совершать практически любые первосигнальные действия, даже безусловнорефлекторные. Таким образом, вторая сигнальная система появилась не как дополнение, довесок к первой, а как ее альтернатива, и филогенетически первой функцией речи была не информативная, а коммуникативная; речь как сознательная деятельность и мышление сформировалась позднее, когда появилась необходимость преодолевать постоянно возникающие дипластии. Такая речь представляет собой инструмент «деабсурдизации абсурда» [18].

Таким образом, главным отличием человека от любого, даже высшего животного, является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Речь – не довесок к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новая система регуляции поведения, появляющаяся только у человека. Иными словами, Б. Ф. Поршнев рассматривает функции речи не как продолжение и развитие возможностей рефлекторного поведения, а как противоположные, запретительные по отношению к первосигнальным. Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится?

Речь – способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы, и в этом состоит главный определяющий признак отличия речи человека от сигналов, используемых животными. У последних есть довольно развитые системы коммуникации, но нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления – денотата – существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» [18]. Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обо-

ротная сторона этого феномена – наличие в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – называется «антонимией». Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания. Ни в одной системе коммуникации животных, как бы высоко организованы они ни были, синонимии и антонимии не наблюдается.

Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой; речь – не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека.

Отсюда происходит двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе человеческой мотивации: у каждого человека всегда есть «два мотива» – настоящий и который «красиво звучит». Первый – неосознанный, первосигнальный, второй – осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, «мотив» второго рода – попытка объяснения и оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания детерминированы побуждениями второго рода, а своих истинных потребностей большинство индивидов даже не осознает и может только предполагать их. В социальной психологии такие предположения определяются как самоатрибуции [11, 12].

Такая неоднозначность побуждений человека создает большие сложности при анализе мотивации его поступков: человек хочет одно, говорит другое, а делает иногда – вообще третье; он достаточно редко поступает в соответствии с первичным первосигнальным побуждением, не всегда его поведение определяется и оправдательной самоатрибуцией, поскольку существуют унифицированные мотивационные стереотипы – аттитюды, заставляющие социального индивида поступать вопреки как перво-, так и второсигнальным побуждениям.

Но и естественная первосигнальная мотивация человеческих индивидов неодинакова. Палеопсихологический анализ заставляет признать, что человечество «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими моти-

вационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным» [2–4]. Такая мотивационная дихотомия обусловлена тем, что в своем становлении первобытное сообщество людей прошло через страшную стадию адельфофагии – человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. Вот и получается, что современного человека с его второй сигнальной системой создал «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [2].

Таким образом, и хищные и нехищные человеческие виды обладают второй сигнальной системой, но роль ее у разных видов различна. У современных адельфофагов-неотроглодитов она выполняет функцию подавления – на нейрофизиологическом уровне эта функция реализуется как интердикция. Этот вид ориентирован, прежде всего, на удовлетворение потребностей, заложенных в каннибалистическом инстинкте убивать и поедать себе подобных. У хищного вида суггесторов вторая сигнальная система служит отличным суггестивным инструментом для демагогического оправдания своей агрессивной паразитической мотивации. В отличие от хищных видов, у нехищных диффузных и неантропов появляется новая, гуманистическая, мотивация, проявляющаяся в таком феномене, который психоаналитики и гуманистические психологи обозначают как совесть. У хищных видов совести нет. Поэтому имеет смысл говорить о формировании зачатков третьей сигнальной системы у нехищных видов – диффузных – и ее развитии у неантропов, которая представляет собой систему генетически закрепившихся морально-нравственных потребностей. А. Швейцер считал, что человеком может называться только тот, у кого такая система сформировалась.

В свое время на проблему нравственности обратил внимание З. Фрейд. Сначала он считал совесть прижизненным, социально-психологическим приобретением человека, но к концу жизни великий психоаналитик изменил свою точку зрения. Он был уверен в том, что совесть, нравственность невозможно воспитать, эти ценности передаются генетическим путем, поэтому либо они есть, либо их нет.

Такая методологическая позиция не позволяет относить хищные виды к человеческой популяции современного типа. Это потомки адельфофагов – сверхживотные, суперанималы, неотроглодиты, обладающие 2-й сигнальной системой с самой первобытной нейрофизиологической до-

минантой – интердикцией, и суггесторы – псевдолюди, реализующие ту же паразитическую мотивацию, но другими, манипулятивными, методами, в основе которых лежит психологический механизм суггестии [2–4].

В наше время роль суперанималов в жизни общества неуклонно снижается – ушли в прошлое деспотии и тирании, во главе которых они стояли. Представители этого вида остались лишь в преступной среде, но и там их уже теснят суггесторы, более умные и хитрые. Властные структуры в настоящее время – вотчина псевдолюдей-суггесторов, оправдательной ширмой для деятельности которых служит так называемая демократия. «Так называемая» – потому что термин «власть народа» оказался самым бессовестным образом извращен.

Объяснительные ресурсы современной палеопсихологической теории антропогенеза предоставляют возможность высказать и некоторые гипотезы относительно природы многих психических болезней, этиология которых до сих пор остается неясной. Прежде всего, это состояния, характеризующиеся «неконтактностью», то есть отсутствием у индивида потребности в межличностном взаимодействии, такие как шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Даже среди специалистов бытует мнение, что детский аутизм, особенно ярко проявляющийся у так называемых «детей-индиго», – проявление особого интеллектуального таланта, гениальности, что это – люди будущего, которым предстоит строить новый мир. Тем не менее аутизм может совершенно однозначно трактоваться как предвестник шизофрении, а «неконтактность» – что ни говори, атавизм, возврат к предковым формам, другими словами, регресс. И вполне обоснованно О. Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и другие сторонники теории дегенерации в XIX–XX столетиях рассматривали подобные признаки как свидетельствующие о вырождении.

Первая попытка объяснения психической патологии с точки зрения эволюционного учения Ч. Дарвина принадлежит К. Фохту, который заметил определенное сходство в строении черепа ранних человеческих предков и больших микроцефалией. 50 лет спустя эту концепцию развил и дополнил русский врач М. Домба [18].

Эволюционная теория микроцефалии Фохта и Домбы утверждает, что некоторые врожденные психические аномалии представляют собой атавизмы, то есть возрождение в редких особях того, что было всеобщим в филогенетически пред-

ковой форме. Причина психической болезни состоит в нарушении элементарных механизмов, с помощью которых на человека может быть оказано влияние со стороны других людей. Исключения составляют легкая олигофрения (дебильность) и микроцефалия, при которых внушаемость, напротив, гипертрофирована. Но во всех случаях – это отклонение от нормального диапазона внушаемости.

Неконтактность – броня, закрывающая больного от внушения окружающих, то есть неконтактность тождественна невнушаемости. Мания и депрессия – противоположные формы неконтактности, тем не менее, приводящие к одному и тому же результату – невнушаемости. Психопатология сверхактивности и пассивности имеет общий признак: «защищенность» от внушения, хотя внушение вовсе не обязательно связано с причинением ущерба, оно вполне может играть и положительную роль. «Защищенность от внушения» – свойство, присущее палеоантропам, – правильнее называть досуггестивным, поскольку они были еще вне социальных контактов и не обладали собственно второй сигнальной системой, даже в зачаточной форме. Интеллектуальная критичность и устойчивость к внушению, присущая современным неоантропам, имеет иную природу – это контрсуггестивность как система генетически усвоенных навыков противостояния суггестивным воздействиям за счет высокого развития интеллекта и нравственности.

Руководствуясь этим методологическим принципом, все психические заболевания можно классифицировать на две группы: генетически обусловленные (маниакальные и депрессивные психозы, генетическая олигофрения, шизофрения и т. п.) и экзогенные (травматические, наркотические, токсические, инфекционные, опухолевые). Истинные или генетически обусловленные психические болезни можно считать воспроизведением разрозненных черт, характеризовавших психику палеоантропов или еще более отдаленных предков человека. Это поведенческие атавизмы. Негативный признак всех психических патологий заключается в том, что они воспроизводят эволюционную стадию невнушаемости, то есть не контрсуггестивность, а досуггестивность, которая восходит к нейропсихическим чертам палеоантропов эпохи дивергенции. Поэтому психически больные люди – это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида – палеоантропов.

Атавизмы могут быть и физическими. Рекон-

струкция облика палеоантропов и ископаемых неантропов показывает, что их внешний вид значительно различался. В отличие от волосатых палеоантропов, кроманьонцы-сапиенсы не имели волос на теле, а также отличались очень сильно развитыми лобными отделами черепа («больше-лобые»). У неандертальцев лоб был скошен, но, по сравнению с ископаемыми неантропами, у них были хорошо развиты затылочные, теменные и височные отделы. Современная нейропсихология рассматривает эти зоны коры головного мозга как основной материальный субстрат сенсорных функций. Отсюда можно предположить, что палеоантропы эпохи дивергенции обладали, по сравнению с человеком современного типа, лучшим зрением и слухом, могли хорошо ориентироваться в темноте за счет прекрасно развитых тактильных функций и сенсомоторной координации. По данным эндокраниологии, объем мозга у палеоантропа в среднем был примерно в 1,5 раза больше, чем у современного человека. С другой стороны, лобные отделы коры нейропсихологи связывают с высшими психическими функциями сознательного контроля, которые, вероятно, преимущественно развивались у сапиенсов, естественно, в ущерб мозговым структурам «сенсорной коры».

Физические атавизмы могут наблюдаться и в наше цивилизованное время: иногда встречаются чрезмерно волосатые индивиды, нередко представители рода *Homo Sapiens*, по строению черепа очень похожие на палеоантропов. Это может свидетельствовать лишь о том, что в генотипе таких индивидов имеется «хищный» след, что также может служить характерным признаком при определении принадлежности к «хищным» человеческим видам. Именно такими антропологическими атавизмами Ч. Ломброзо описывал внешность «врожденного преступника».

Этнос не может быть отождествлен с хищным или нехищным человеческим видом, поскольку формирование этносов происходило уже после завершения процесса дивергенции палеоантропов и сапиенсов. Поэтому в каждой этнической группе есть как хищные, так и нехищные индивиды, разной является только их пропорция.

Этнос – естественная общественная структура, формирующаяся из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Этнос определяется двумя группами характеристик – антропотипом и психотипом. Антропо-

тип – комплекс сформировавшихся в процессе становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса. Психотип – система архетипов родового бессознательного этноса, генетически передаваемая от предков к потомкам [7].

Нельзя путать национальное и этническое в человеке, поскольку, в отличие от этноса, нация – искусственное общественное образование, создаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов. В истории человеческой цивилизации нации появляются только после образования первых государств, поэтому термины «нация», «национальность» вне государственного контекста теряют смысл. Нации искусственно создавались в результате захватнических войн, поэтому их никак нельзя считать добровольным объединением этносов. Так, на территории России проживает более 200 этнических групп, а нация одна – россияне [7, 14].

Таким образом, человек – не только уникальная индивидуальность, но и носитель побуждений, доставшихся ему от его предков, которые упорядочиваются универсальными ценностными формами – архетипами. Другими словами, потребности человека индивидуальны, но в то же время специфичны, и эта специфика детерминирована принадлежностью индивида к одному из 4-х человеческих видов: род *Homo Sapiens* представлен двумя хищными (суперанималы и суггесторы) и двумя нехищными (диффузный – суггренды и современные неантропы) видами.

Библиографический список

1. Вите, О. Т. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение [Текст] / О. Т. Вите // Полития. – 1998. – № 2.
2. Диденко, Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего [Текст] / Б. Диденко. – М.: Поматур, 1997. – 125 с.
3. Диденко, Б. Хищная любовь. Сексуальность нелюдей [Текст] / Б. Диденко. – М.: Поматур, 1998. – 143 с.
4. Диденко, Б. Хищное творчество. Этические отношения искусства к действительности [Текст] / Б. Диденко. – М.: ФЭРИ-В, 2000. – 191 с.
5. Докинз, Р. Эгоистичный ген [Текст] / Р. Докинз. – М.: Corpus, 2017. – 512 с.
6. Мазиллов, В. А. Методология современной отечественной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Том 3. – Выпуск 3. – С. 9–24.
7. Мазиллов, В. А., Морозин, В. Г. Некоторые методологические основания исследований в области этнопсихологии [Текст] / В. А. Мазиллов, В. Г. Морозин // Педагогические и психологические проблемы современного образования: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» (4–5 марта 2015). – Ч. 2. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – С. 394–403.
8. Марков, А. В. Эволюция человека [Электронный ресурс] / А. В. Марков: в 2 книгах. – Книга 1. Обезьяны, кости и гены. – М.: АСТ: CORPUS, 2014а. – 464 с. – URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>.
9. Марков, А. В. Эволюция человека [Электронный ресурс] / А. В. Марков: в 2 книгах. – Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. – М.: АСТ: CORPUS, 2014б. – 512 с. – URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>.
10. Мироненко, И. А. О прошлом, настоящем и будущем российской сравнительной психологии [Текст] / И. А. Мироненко // Методология и история психологии. – 2009. – Том 4. – Выпуск 2. – С. 45–58.
11. Морозин, В. Г. Антропсихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции [Электронный ресурс] / В. Г. Морозин. – Часть I. Антропсихологические детерминанты коррупционного поведения // Наука. Мысль. – 2016. – № 9. – С. 43–55. – URL: <http://www.enews.esrae.ru>.
12. Морозин, В. Г. Палеопсихологическая модель коррупции [Текст] / В. Г. Морозин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15–16 апреля 2015 г. / под общ. ред. к. п. н., А. А. Воинова. – Выпуск 3; Томский ИПКР ФСИН России. – Томск: Графика, 2015. – С. 215–224.
13. Морозин, В. Г. Палеопсихологические основания видовой неоднородности современного человека [Текст] / В. Г. Морозин // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 8 частях. – Часть 1 / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – С. 200–210.
14. Морозин, В. Г., Мазиллов, В. А. Социальная психология сегодня и палеоантропогенез: есть ли точки соприкосновения [Текст] / В. Г. Морозин, В. А. Мазиллов // Социальный психолог. – 2016. – № 2(32). – С. 77–109.
15. Петренко, В. Ф. Космический странник – сознание: опыт индивидуального брейн-шторминга [Текст] / В. Ф. Петренко // Методология и история психологии. – 2009. – Том 4. – Выпуск 1. – С. 5–24.
16. Поршнева, Б. Ф. Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминидах [Текст] / Б. Ф. Поршнева. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. – 560 с.
17. Поршнева, Б. Ф. Борьба за троглодитов [Текст] / Б. Ф. Поршнева // Простор. – 1968. – № 4–7.

18. Поршневу, Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии [Текст] / Б. Ф. Поршневу. – М. : ФЭРИ-В, 2006. – 176 с.

19. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 349 с.

Reference List

1. Vite, O. T. Tvorcheskoe nasledie B. F. Porshneva i ego sovremennoe znachenie = B. F. Porshnev's creative heritage and his modern value [Tekst] / O. T. Vite // Politija. – 1998. – № 2.

2. Didenko, B. Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego = Predatory power. Zoopsychology of the present world [Tekst] / B. Didenko. – М. : Pomatur, 1997. – 125 s.

3. Didenko, B. Hishhnaja ljubov'. Seksual'nost' neljudej = Predatory love. Sexuality of bad people [Tekst] / B. Didenko. – М. : Pomatur, 1998. – 143 s.

4. Didenko, B. Hishhnoe tvorchestvo. Jeticheskie otnoshenija iskusstva k dejstvitel'nosti = Predatory creativity. Ethical attitudes of art towards reality [Tekst] / B. Didenko. – М. : FJeRI-V, 2000. – 191 s.

5. Dokinz, R. Jegoistichnyj gen = Selfish gene [Tekst] / R. Dokinz. – М. : Corpus, 2017. – 512 s.

6. Mazilov, V. A. Metodologija sovremennoj otechestvennoj psihologii = Methodology of modern national psychology [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii = Methodology and history of psychology. – 2008. – Tom 3. – Vypusk 3. – S. 9–24.

7. Mazilov, V. A., Morogin, V. G. Nekotorye metodologicheskie osnovanija issledovanij v oblasti jetnopsihologii = Some methodological bases of researches in the field of ethnopsychology [Tekst] / V. A. Mazilov, V. G. Morogin // Pedagogicheskie i psihologicheskie problemy sovremenного obrazovanija : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Chtenija Ushinskogo» (4–5 marta 2015) = Pedagogical and psychological problems of modern education : materials of the scientific and practical conference «Ushinsky Readings» (on March 4–5, 2015). – Ch. 2. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – S. 394–403.

8. Markov, A. V. Jevoljucija cheloveka = Evolution of the person [Jelektronnyj resurs] / A. V. Markov : v 2 knigah. – Kniga 1. Obez'jany, kosti i geny. – М. : AST: CORPUS, 2014a. – 464 s. – Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>.

9. Markov, A. V. Jevoljucija cheloveka = Evolution of the person [Jelektronnyj resurs] / A. V. Markov : v 2 knigah. – Kniga 2. Obez'jany, nejrony i dusha. – М. : AST: CORPUS, 2014b. – 512 s. – URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>.

10. Mironenko, I. A. O proshlom, nastojashhem i budushhem rossijskoj sravnitel'noj psihologii = About past, real and future Russian comparative psychology [Tekst] / I. A. Mironenko // Metodologija i istorija psihologii = Methodology and history of psychology. – 2009. – Tom 4. – Vypusk 2. – S. 45–58.

11. Morogin, V. G. Antropopsihologicheskie osnovanija cennostno-potrebnoj diagnostiki pre-

draspolozhennosti k korrupcii = Anthropopsychological bases of valuable need diagnostics of predisposition to corruption [Jelektronnyj resurs] / V. G. Morogin. – Chast' I. Antropopsihologicheskie determinanty korrupcionnogo povedenija = Part I. Anthropopsychological determinants of corruption behavior // Nauka. Mysl'. – 2016. – № 9. – S. 43–55. – URL: <http://wwenews.esrae.ru>.

12. Morogin, V. G. Paleopsihologicheskaja model' korrupcii = A paleopsychological model of corruption [Tekst] / V. G. Morogin // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo : mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf., Tomsk 15–16 aprelja 2015 g = Penal correction system: pedagogics, psychology and law: materials of All-Russian scientific-practical conference, Tomsk on April 15–16, 2015. / pod obshh. red. k. p. n., A. A. Votnova. – Vypusk 3; Tomskij IPKR FSIN Rossii. – Tomsk : Grafika, 2015. – S. 215–224.

13. Morogin, V. G. Paleopsihologicheskie osnovanija vidovoj neodnorodnosti sovremenного cheloveka = Paleopsychological bases of specific heterogeneity of the modern person [Tekst] / V. G. Morogin // Gumanitarnye osnovanija social'nogo progressa: Rossija i sovremenost' : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 8 chastjah = Humanitarian bases of social progress: Russia and present: collection of articles of the International scientific and practical conference: in 8 parts. – Chast' 1 / pod red. V. S. Belgorodskogo, O. V. Kashheeva, V. V. Zotova, I. V. Antonenko. – М. : FGBOU VO «MGUDT», 2016. – S. 200–210.

14. Morogin, V. G., Mazilov, V. A. Social'naja psihologija segodnja i paleoantropogenez: est' li tochki soprikosnovenija = Social psychology today and paleoanthropogenesis : if there is any common ground [Tekst] / V. G. Morogin, V. A. Mazilov // Social'nyj psiholog. – 2016. – № 2(32). – S. 77–109.

15. Petrenko, V. F. Kosmicheskij strannik – soznanie: opyt individual'nogo brejn-shtorminga = The space wanderer – consciousness: experience of individual brainstorming [Tekst] / V. F. Petrenko // Metodologija i istorija psihologii = Methodology and history of psychology. – 2009. – Tom 4. – Vypusk 1. – S. 5–24.

16. Porshnev, B. F. Zagadka «snezhnogo cheloveka»: sovremennoe sostojanie voprosa o reliktovyh gominoidah = Puzzle of «yeti»: current state of the question of relic hominoids [Tekst] / B. F. Porshnev. – М. : Jeksmo : Algoritm, 2012. – 560 s.

17. Porshnev, B. F. Bor'ba za trogloditov = Fight for cave men [Tekst] / B. F. Porshnev // Prostor = Open space – 1968. – № 4–7.

18. Porshnev, B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii = About the beginning of human history. Paleopsychology problems [Tekst] / B. F. Porshnev. – М. : FJeRI-V, 2006. – 176 s.

19. Propp, V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Historical roots of the magic fairy tale [Tekst] / V. Ja. Propp. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 349 с.